

ин-та ОММ. Киев, 1957.—3. Дмитриук И. Н. Там же.—4. Небытова-Лукьяничкова Н. М., Громковская А. А., Трофимова Л. Т. Полноценное естественное вскармливание ребенка. М., 1959.—5. Тимошенко Л. В. Пед. акуш. и гин., 1956, 3.—6. Шахнович Л. А. Педиатрия, 1955, 6.

Поступила 21 февраля 1962 г.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

(1909—1914)

А. Д. Егоров

(Уфа)

В продолжение многолетней (45 лет) врачебной деятельности много раз приходится вспоминать свою Alma mater.

Первый профессор, с которым (в 1909 г.) мы по зачислении в число студентов встретились, был тогда еще молодой Владимир Николаевич Тонков. Среднего роста, с небольшой русой бородкой, с прической чуть-чуть под «ершик», он привлек наше внимание своим педагогическим талантом. Лекции его были ясны, просты, демонстративны. Анатомические коллекции были богаты, и изучать анатомию было интересно и довольно легко. Анатомический музей — детище проф. Тонкова и его сотрудников (докторов Попова, Яхонтова, Малиновского, Бушмакина, Ромадоновского) — был богат, разнообразен, с уникальными экземплярами. Владимир Николаевич был очень строг к себе и к студентам, требовал хороших знаний, добросовестного отношения к препаровке трупов. На зачетах, на экзаменах был неумолим, строг и справедлив, все это знали, а поэтому тщательно готовились.

Анатомические знания, полученные нами у проф. В. Н. Тонкова, очень мнегодились в последующей врачебной деятельности. В своих лекциях он затрагивал вопросы биологии, сравнительной анатомии, физиологии и давал чисто практические советы, связанные с врачебной работой.

Проф. В. Н. Тонков вечером всегда появлялся в препаровочной, когда мы занимались препаровкой трупов. Прозектора и мы, студенты, побаивались его прихода. Переходя от одного стола к другому, он тщательно осматривал результат работы каждого студента. Взгляд у него был зоркий, наметанный. Если студент по неосторожности нарушит цельность какого-либо нерва, сосуда и вздумает замаскировать свою оплошность (сшивание нерва, сосуда, подкрашивание), то зоркий взгляд Владимира Николаевича непременно это заметит, профессор покачает головой и скажет: «Милостивый государь! Как это Вам удалось сделать такую аварию?» Этот факт он напоминал студенту на зачете или экзамене. Особенно он был придирчив к препаровке шейной области.

Авторитет его был настолько велик, что мы гордились тем, что учимся у проф. В. Н. Тонкова. У меня, думаю, что и у других, остались самые приятные воспоминания о Владимире Николаевиче. В университете он считался левым профессором, и реакционные профессора косились на него.

Его солидный учебник по анатомии, результат упорной, усидчивой и многолетней работы, способствовал его авторитету среди студентов.

Кафедру физиологии возглавлял проф. Николай Александрович Миславский. Он был высокого роста, глаза несколько на выкате, в выпуклых черных очках. Относился к левому крылу, и мы, студенты, само появление его в аудитории иногда встречали аплодисментами. Он читал нам физиологию нервной системы. Лекции сопровождались опытами на животных, ему помогал скромный студент 3 курса К. М. Быков (будущий академик). Проф. Н. А. Миславский оставил по себе хорошую память своими глубокими по содержанию лекциями.

Вторым профессором-физиологом был Полумордвинов. К сожалению, он рано умер. Симпатичный, представительный, в роговых очках, в безукоризненно аккуратном костюме, он пользовался нашей симпатией, его аудитория всегда была полна. На экзаменах был деликатен и снисходителен.

Из наших профессоров к школе И. П. Павлова относился проф. Панормов, читавший нам курс физиологической химии. В лекциях он часто ссылался на И. П. Павлова, которого очень любил.

Проф. Панормов был близорук, за внешностью мало следил, всегда был с какой-то взъерошенной головой и бородой. Предмет свой преподносил хорошо, был чрезвычайно требователен к занятиям студентов. Не так-то легко было у него получить удовлетворительную отметку на зачете. Лекции иллюстрировались химическими реакциями. Он много давал и много требовал.

Химию читали два профессора. Проф. Флавицкий вел курс неорганической химии. Читал лекции довольно вяло и слишком тихо, редко взглядывал на своих слушателей, больше смотрел в край стола. Во время лекции часто ерошил свою седую голову, лицо было в каких-то черных пятнах, вероятно, вследствие химических ожогов. Лекции сопровождалось различными опытами. Проф. Флавицкого студенты побаивались, так как он был строг на экзаменах и требовал ясных знаний. Говорят, в жизни он был очень скромным человеком.

Профессор Максимович — молодой, серьезный и знающий химик, читал нам органическую химию, оставил по себе хорошее впечатление. К сожалению, он рано скончался от туберкулеза легких. В его лекциях органическая химия была приятна, понятна и увлекательна.

Зоологию читал профессор Остроумов. Он всегда ходил в форменном мундире, читал не совсем увлекательно, но так как это были для нас первые лекции, и наука была для нас незнакомая, мы аккуратно посещали его лекции. Он редко взглядывал на свою аудиторию, и взгляд его не поднимался выше первого ряда. Вежливо раскланивался перед лекцией и после нее. Подробно рассказывал о естественном и искусственном отборе, касался эмбриологии и знакомил нас с учением Дарвина.

Большим оратором был профессор Забусов, читавший нам паразитологию.

Гистологию мы изучали у проф. Тимофеева. Он читал лекции скучновато, был застенчив и, кажется, не видел свою аудиторию, смотрел куда-то вниз. Число слушателей на его лекциях было исключительно мало, но практические занятия у него шли аккуратно.

К числу его учеников относится Лаврентьев Борис Иннокентьевич, мой однокурсник. Я хорошо помню его студентом. Всегда хорошо и аккуратно одетый, чрезвычайно остроумный, он пользовался уважением и любовью студентов.

Физику читал профессор Гольдгаммер. Строгий был профессор, читал одновременно медикам и математикам, но на экзаменах требовал от нас умеренно.

Общую патологию и бактериологию нам читал профессор И. Г. Савченко. Его лекции были трудные, и мы, студенты, боялись его требований. Был он низкого роста, с большой головой и небольшой бородкой, в простом пиджаке, который к концу лекции покрывался мелом, потому что профессор много и быстро рисовал мелом на доске. Был страстный охотник, из-за этого «спорта» даже пропускал лекции, «ходил на охоту» — этим оправдывался. На экзаменах был чрезвычайно строг. Проф. Савченко был прямым человеком и в диспутах не кривил душой. Мне вспоминается случай, свидетелем которого я был, с доктором П. И. Зарницыным, который защищал докторскую диссертацию на тему: «Авидитет аглюцитинов», официальным оппонентом был назначен проф. Савченко. Он резко критиковал диссертационную работу Зарницына, в его речи слышались слова «чепуха», «ерунда». Зал был переполнен. Зарницын стал бледнеть и вдруг упал в обморок, его вынесли в соседнюю комнату, привели в чувство, и через 20 минут защита продолжалась, и проф. Савченко в прежних тонах продолжал свою речь. Зарницын все же при голосовании получил доктора медицины. Насколько помню, это было в 1912 г. в первой аудитории.

В лаборатории И. Г. Савченко начал работать, будучи студентом 3 курса. П. Ф. Здродовский, наш курсовой староста, ныне действительный член АМН СССР. Из других учеников И. Г. Савченко следует назвать впоследствии видных микробиологов — профессоров Аристовского, Мелких, Барыкина.

С большой симпатией мы относились к профессору патологической анатомии Ф. Я. Чистовичу. Он читал лекции прекрасно, хорошо рисовал препараты цветным мелом на доске. Вежливый, корректный, энергичный человек. Перед ним было стыдно не ответить на какой-либо вопрос, чувствовалась его нравственная чистота.

Из клиницистов должен отметить проф. Зимницкого Семена Семеновича. Он читал нам курс частной патологии и терапии. Клиники своей не имел, а практические занятия вел в губернской земской больнице, где была большая теснота и скученность, нам, студентам, бывало даже трудно добраться между койками до какого-либо больного, например с крупозным воспалением легких, где мы его выслушивали и простукивали и слушали объяснения Зимницкого. По воскресеньям Зимницкий приезжал в больницу на амбулаторный прием, где оставляли для него больных более редких, демонстративных. В военном госпитале отказали ему вести занятия со студентами, так как после занятий под подушками у солдат находили революционные прокламации. С больными дело было плохо, их не было в распоряжении профессора, и нам приходилось практиковаться (перкуссия и аускультация) на служителях кабинета в присутствии профессора. Читал лекции он не скучно, слушали его внимательно, иногда записывали, хотя ораторским искусством он и не обладал.

Проф. С. С. Зимницкий работал в клинике проф. С. С. Боткина — сына С. П. Боткина, бывал за границей, будучи военным врачом. Его достаточная полнота не мешала ему быть живым, энергичным. Проф. Зимницкому почему-то долго не давали

больничных коек, говорили про какие-то интриги со стороны некоторых профессоров. Проф. Зимницкий недружно жил с проф. Орловским, который вел пропедевтическую клинику без постоянной клинической базы. На лекциях тот и другой пускали шпильки друг против друга — например, проф. Зимницкий, кроме крепитирующих хрипов, признавал еще субкрепитирующие хрипы, тогда как Орловский их не признавал и на лекциях нам говорил, что «некоторые профессора находят какие-то субкрепитирующие хрипы, я не знаю таких хрипов — это ни богу свечка, ни черту кочерга».

После Октябрьской революции проф. С. С. Зимницкий получил все возможности проявить свой талант, инициативу и удивительную работоспособность.

Государственный экзамен по терапии пришлось нам держать у Зимницкого; здесь на экзаменах он не был мелочен и оставил по себе хорошую память как человек и как педагог.

Проф. В. Ф. Орловский вел с нами практические занятия по внутренним болезням в т. н. «Шамовской» больнице; здесь же приват-доцент К. А. Грачев, он же главный врач больницы, вел с нами амбулаторный прием по воскресеньям по внутренним болезням (для всех желающих студентов), а так как отоларингология в университете не было как самостоятельной дисциплины, то он же нас немного знакомил с заболеваниями гортани, и студенты друг на друге учились ларингоскопии. Ушные болезни только мимоходом упоминались хирургами.

В свободное время, по воскресеньям, мы ходили в «Шамовскую» больницу на амбулаторный хирургический прием, присутствовали на операциях. В то время там работали опытные хирурги — В. И. Котелов, В. А. Перимов и Флеров. «Шамовская» больница была только что отстроена, производила хорошее впечатление новизной и чистотой. В больнице был рентгеновский кабинет, лаборатории, амбулатория. Мы там много видели и многому практически научились.

Проф. Алексей Николаевич Казем-Бек заведовал факультетской терапевтической клиникой. Даром речи не обладал, он просто рассказывал, вел беседу относительно того или другого больного, сидя иногда на кровати больного. По национальности грузин, уже не молодой, он сохранил остатки былой красоты. Был прост и доступен. Во время перерыва, покуривая вместе со студентами, вел беседу на отвлеченные темы. Был опытным врачом и хорошим диагностом. Не любил многосложных рецептов. Из его клиники вышли профессора Горяев, Чебоксаров, Тергулов, Зарницын и др. В то время М. Н. Чебоксаров был старшим ассистентом, Н. К. Горяев — ассистентом-лаборантом.

Мне посчастливилось слушать лекции известного невропатолога проф. Ливерия Осиповича Даркшевича. Это был высокообразованный врач, с огромной эрудицией и большим ораторским талантом. Лекции его были тщательно литературно обработаны, как и его известный учебник по нервным болезням. Он читал лекции сидя в кресле. Слушать его было одно удовольствие. Мало было двух часов, а хотелось слушать 3—4 часа. Его деликатность к нам и к больным была изумительна. Я помню 25-летний юбилей его врачебной деятельности. Громадный актовый зал университета был переполнен. Л. О. Даркшевич произнес сильную, красивую речь. Многие профессора, его пациенты и пациентки сказали ему много теплых душевных слов.

Кто не знает проф. Груздева Викторина Сергеевича? Сколько учеников, крупных специалистов вышло из руководимой им клиники. Выше среднего роста, бритый, в очках в золотой оправе, на кафедре он преображался в подлинного педагога, терпеливо объясняющего студентам то или другое заболевание. Мы усердно посещали его лекции, всегда демонстративно обставленные. Как педагог он был незаменим. На экзаменах был строг, требовал знаний. На операциях был шепетилен, «криклив», иногда не в меру, но отходчив.

Учился я и у Александра Васильевича Вишневого; тогда он был молодым приват-доцентом и преподавал нам общую хирургию. Был всегда элегантно одет. Читал он почему-то в начале лекции живо, талантливо, но в середине лекции начинались монотонность, повторяемость. А. В. Вишневский был прекрасным человеком, отзывчивым и долго помнил своих слушателей. Будучи приват-доцентом, Вишневский оперировал в клинике проф. Л. О. Даркшевича по поводу опухоли головного мозга. От простого земского врача А. В. Вишневский поднялся на большой хирургический пьедестал благодаря таланту и удивительной работоспособности.

«Меня, старого воробья, на мякине не проведешь», — говорил он мне, сидя на табурете в операционной, в перерыве между операциями. Это замечание относилось к американским клиникам, которые А. В. Вишневский незадолго перед этим посетил, и его, вероятно, не ослепляла и не приводила в восторг внешняя обстановка клиник. Он искал серьезного внутреннего содержания, а не показного эффекта.

Одно время госпитальной хирургической клиникой в Казани заведовал проф. В. Л. Боголюбов. В то время он был уже в годах, крупного телосложения, с полными руками. Полезны были его обходы, лекции его походили на беседы с демонстрацией больных.

Очень требовательным был профессор судебной медицины Неболюбов, у него было трудно держать экзамен. Коренастый, с большой бородой «лопатой», он на экзамене был неумолим. В шутку студенты называли его «Малюта Скуратов». Требования его были, конечно, законные.

Директором факультетской хирургической клиники был профессор Геркен Николай Александрович, уже немолодой. Одевался он скромно, смотрел при беседе поверх очков. Он был хорошим педагогом. Ст. ассистентом долгое время был К. И. Цинк, помню ассистента М. О. Фридланда.

Не могу не упомянуть об одной достопримечательной исторической личности, о проф. Иване Михайловиче Догеле. Ему было, кажется, 80 лет, когда я у него держал государственный экзамен по фармакологии. Он был на почетном положении, читал нам бальнеологию, курортологию. Стоять он уже не мог, читал сидя, по тетради.

Кожные и венерические болезни читал проф. В. Ф. Бургсдорф, великолепный диагност (нам удалось увидеть проказу и резко выраженную Аддисонову болезнь), читал торопливо, имел привычку ерошить прическу. Бургсдорф первым в Казани стал применять препарат Эрлиха «606».

Глазные болезни читал проф. А. Г. Агабабов, ученик проф. Е. В. Адамюка. У проф. Агабабова старшим ассистентом был Чирковский Василий Васильевич, впоследствии действительный член Академии медицинских наук. Всегда серьезный, видный, очень симпатичный, Чирковский пользовался как старший ассистент и как товарищ уважением и любовью сотрудников клиники и студентов.

Проф. В. К. Меньшиков-педиатр был хорошим преподавателем, любил демонстрировать больных детей. Его клиника блестела чистотой.

Хорошую память оставили у нас служители химических, бактериологических, патологоанатомических лабораторий и музеев. В подавляющем большинстве это были татары. В черных кафтанах, в черных тюбетейках, в мягкой обуви, они были внимательны, дисциплинированы, добросовестны в исполнении служебных обязанностей. Некоторые из них были стариками, служили много лет, сроднились с университетом, и их очень ценили. А некоторые из них хорошо разбирались в анатомических препаратах. Помню в анатомическом театре старика Хасана, который прекрасно знал человеческий скелет.

Во время моего учения в Казанском университете было два бурных периода. Это толстовские дни (смерть и похороны Льва Николаевича Толстого в 1910 г.). В аудитории № 1 была большая сходка, произносились горячие речи, посылались телеграммы в Ясную Поляну. Лекции в те дни не читались.

Второй период был связан с политической министра просвещения Кассо. В 1912 г. в знак протеста против его реакционной политики у нас была объявлена студенческая забастовка, которая продолжалась несколько недель, и Кассо был вынужден уйти в отставку.

Будучи на 5 курсе, мы с согласия ректора, декана факультета и с разрешения попечителя округа организовали научную экскурсию в Москву и в Петербург. Это было в 1913 г. в зимние каникулы. Организовалась группа, примерно в 25 студентов 4 и 5 курсов. Руководили экскурсией приват-доценты Парин и Любенецкий. Цель экскурсии — ознакомление с клиниками Москвы и Военно-медицинской академии. Помимо клиник, мы, конечно, уделили время и московским театрам, слушали Шаляпина и Собинова. В Петербурге посетили клиники проф. Вредена, проф. Турнера и проф. С. П. Федорова. Проф. С. П. Федоров был тогда молодым, внешне интересным человеком, в пене, в военном костюме со шпорами. Были в его большой операционной с рефлекторами на стенах и со скамейками амфитеатром. На операции присутствовало много приезжих врачей. Операция производилась на почке.

Посетили лабораторию И. П. Павлова. Он встретил нас ласково и поручил одному ассистенту показать нам лабораторию; мы осматривали опытных собак с разными фистулами.

Вообще ознакомление с клиниками Москвы и Петербурга было полезным, хотя и носило спешный характер.

Заканчивая свои краткие воспоминания за небольшой период, я пишу себя надеждой, что эти записки, может быть, прибавят кое-что к более обширным историческим материалам о Казанском университете.

Поступила 5 апреля 1960 г.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. С. ЗИМНИЦКОГО ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг.

Канд. мед. наук В. Е. Анисимов

Кафедра факультетской терапии (зав.—проф. З. И. Малкин)
Казанского медицинского института

Выдающийся казанский терапевт профессор Семен Семенович Зимницкий (1873—1927 гг.) известен в нашей стране и далеко за ее пределами своими классическими работами в области патологии почек. Получили широкую известность его труды по заболеваниям сердца и расстройствам секреторной деятельности желудка. Однако